

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕРУССКОГО
И СТАРОРУССКОГО
СИНТАКСИСА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕРУССКОГО
И СТАРОРУССКОГО
СИНТАКСИСА

Нестор-История
Санкт-Петербург • Москва
2020

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

О-952

Рецензенты:

чл.-корр. РАН *А. А. Гиппиус*;
д-р филол. наук *П. М. Аркадьев*

Работа выполнена при поддержке ОИФН РАН (проект «Синтаксический анализ древнерусских текстов» в рамках программы «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»)

О-952 **Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса** / под ред. А. А. Пичхадзе. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 360 с.

ISBN 978-5-4469-1768-6

DOI 10.31912/978-5-4469-1768-6

Коллективная монография «Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса» посвящена неизученным или недостаточно исследованным вопросам истории синтаксиса русского языка. Она состоит из трех глав. В первой главе рассматривается порядок слов: описывается вариативность словопорядков в группе «подлежащее–сказуемое» в русских былинах, а также порядок слов в группе «сказуемое — прямое дополнение» и «сказуемое — прямое и адресатное дополнение» в древнерусских текстах. Вторая глава содержит анализ функционирования союзов *а, то, хотя* и союзных слов (местоимений и наречий) в зависимых предложениях и причастных оборотах. В третьей главе анализируется употребление в древнерусских и старорусских текстах перифрастических оборотов с вспомогательным глаголом *начати* и инфинитивом; показано их место в системе глагольных времен и отличия от инфинитивных сочетаний с глаголом *начать* в современном русском языке. В монографии исследуются процессы грамматикализации описанных языковых единиц и явлений. Синтаксические процессы и явления рассмотрены с учетом взаимодействия церковнославянского и древнерусского языка, конкуренции разных книжных традиций и жанрового разнообразия средневековой восточнославянской письменности.

ISBN 978-5-4469-1768-6

9 785446 917686

© Коллектив авторов, 2020
© Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

Глава 1 ПОРЯДОК СЛОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ ТЕКСТАХ

Структура текста и порядок слов VS/SV в былинном нарративе (А. А. Плетнева)

1. Былинный нарратив в перспективе изучения диахронных нарративных текстов	10
2. Частотность порядков VS/SV	14
3. Коммуникативные стратегии и порядок слов	18
4. Логические связи между предикациями и порядок слов.	24
4.1. Завершенность действия	24
4.2. Следствие, результат действия	25
4.3. Ретроспективный сдвиг	26
4.4. Связанность действий	27
4.5. Появление во второй предикации дополнительной информации. . . .	28
5. Грамматико-семантические маркеры порядка SV	30
5.1. Местоимения	30
5.1.1. Местоимение 3 лица	30
5.1.2. Местоимение <i>сам</i>	32
5.1.3. Местоимение <i>весь</i>	32
5.1.4. Местоимение <i>этот</i>	32
5.2. Временные маркеры <i>тут</i> и <i>скоро</i>	33
5.3. Итеративные формы	34
5.4. Отрицание	35

О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке (А. А. Пичхадзе)

I. Порядок слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение»	36
1. Фразеологические сочетания	39
1.1. «История Иудейской войны»	39
1.2. Летописи и берестяные грамоты	48
2. Свободные сочетания	50
2.1. Порядок ОV в «Истории Иудейской войны»	50
2.1.1. Анафорические местоимения	51
2.1.2. Эмфаза	51
2.1.3. Слова со значением большого размера или количества	52
2.1.4. Сближение однокоренных слов	53
2.1.5. Противопоставления и сопоставления	53
2.1.6. Непервые предикации в периоде	56
2.1.7. Вопросительные предложения	61
2.1.8. Прямая речь	62
2.1.9. Остальные случаи	62
2.1.10. Придаточные предложения	63
2.2. Порядок VO в «Истории Иудейской войны»	67
2.2.1. Отрицательное местоимение	67
2.2.2. Слово богъ	67
2.2.3. Остальные случаи	68
2.2.4. Придаточные предложения	69
2.3. Берестяные грамоты	77
2.3.1. Литературные и фольклорные тексты	78
2.3.2. Официальные документы	78
2.3.3. Деловые записи	81
2.3.4. Порядок ОV в письмах на бересте	84
2.3.4.1. Анафора и катафора	84
2.3.4.2. Слово богъ	85
2.3.4.3. Противопоставления	86
2.3.4.4. Начальные и неначальные предикации в периоде	86
2.3.4.5. Сказуемое с отрицанием	90
2.3.4.6. Остальные случаи	92
2.3.4.7. Придаточные предложения	94
2.3.5. Порядок VO в письмах на бересте	97
2.3.5.1. Начальная позиция	97
2.3.5.2. Остальные случаи	99
2.3.5.3. Придаточные предложения	103
3. Выводы	107

II. Порядок слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое и адресатное дополнение»	113
1. «Житие Андрея Юродивого»	113
1.1. Глагол в постпозиции	113
1.2. Глагол в препозиции	117
1.3. Глагол в интерпозиции	119
2. «Пчела»	121
2.1. Глагол в постпозиции	121
2.2. Глагол в препозиции	123
2.3. Глагол в интерпозиции	125
3. Новгородская I летопись	129
3.1. Глагол в постпозиции	129
3.2. Глагол в препозиции	131
3.3. Глагол в интерпозиции	133
4. Берестяные грамоты	135
4.1. Глагол в препозиции	135
4.2. Глагол в интерпозиции	137
5. Выводы.	137

Глава 2

СОЮЗНЫЕ СРЕДСТВА ПРИ ЗАВИСИМЫХ ФИНИТНЫХ И ПРИЧАСТНЫХ ПРЕДИКАЦИЯХ

Союз <i>то</i> в древнерусских памятниках (М. С. Мушинская)	142
1. Союз <i>то</i> при отсутствии подчинительной связи.	144
2. Прагматический аспект функционирования союза <i>то</i>	151
3. Союз <i>то</i> в гипотактических конструкциях	162
3.1. Союз <i>то</i> после обстоятельственных придаточных	172
3.2. Союз <i>то</i> после относительных придаточных	191
4. Роль союза <i>то</i> в актуальном членении (<i>то</i> как средство ретроспективной тематизации)	207
5. Союз <i>то</i> после причастных конструкций	213
6. Итоговая характеристика аподотического союза <i>то</i>	219
Приложение: таблица 3.	226
О союзе <i>а</i> в причастных конструкциях (А. В. Царегородцева)	236
Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях (А. А. Пичхадзе)	256
I. Причастные предикации, присоединяемые вопросительно- относительными местоимениями или наречиями	257
1. Косвенный вопрос	257

2. Контексты произвольного выбора	258
3. Контексты незасвидетельствованности и неполного знания	270
II. Причастные предикации, присоединяемые подчинительными союзами	273
1. Конструкция « так + причастие» со значением причины	273
2. Конструкция « так + действительное причастие в именительном падеже» при передаче косвенной речи	275
3. Причастные конструкции при обозначении контактного предшествования и контактного следования	277
4. Конструкции с плеонастическим союзом	282
5. Остальные случаи	284
III. Выводы	285
К истории союза/частицы <i>хотя</i> (А. А. Пичхадзе)	286
1. Частица со значением квантификатора произвольного выбора	287
2. Уступительная частица	288
3. Уступительный союз	290
4. Разделительный союз	292
5. Условно-уступительный союз	292
6. Условный союз	293

Глава 3

ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ **НАЧАТИ**

(И. С. Юрвева)

Введение	296
1. Основное значение начати/почати	299
2. Значение ‘обнаружиться’	314
3. Конструкции с отрицанием	315
3.1. ‘Началось не-Х’	316
3.2. ‘Обнаружится, что не-Х’	318
4. Начати и коньчати	320
Приложения	322
Приложение 1. Список глаголов, входящих в инфинитивные конструкции с начати/почати	322
Приложение 2. Стативы, употребленные в начьноу -конструкциях	343
Приложение 3. Инфинитивы, выступающие в сочетании с начьноу (почьноу) + не	343
Источники	345
Словари и грамматики	347
Литература	349

Предисловие

Коллективная монография «Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса» посвящена неизученным или недостаточно изученным явлениям в истории синтаксиса русского языка. Она состоит из трех глав.

В первой главе рассматривается порядок слов в группах «подлежащее — личная форма глагола», «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» и «личная форма глагола — прямое объектное и косвенное адресатное дополнение». Материалом для исследования послужили данные древнерусских памятников, принадлежащих к разным регистрам и жанрам, а также записи русских былин. Основной целью исследования было установить факторы, влияющие на выбор того или иного словоупотребления в указанных группах.

Вторая глава посвящена зависимым предикациям — финитным и причастным, а также союзам и союзным словам, присоединяющим зависимые предикации. Центральная задача этой главы заключалась в описании взаимообусловленности между семантикой и функциями союзных средств и свойствами предикации, которую вводят эти союзные средства. Здесь подробно анализируются союзы *то, а, хотя*, а также содержатся сведения о других союзах; исследуется функционирование причастной конструкции, присоединяемой союзом *а*, и так называемого причастия-сказуемого, т. е. причастных предикаций, вводимых союзными словами и подчинительными союзами; устанавливаются условия, при которых было возможно употребление этих конструкций.

В последней главе описаны семантика и состав сочетаний глагола *начати* с инфинитивом в древнерусских и старорусских памятниках; прослеживается постепенное развитие ограничений на сочетаемость глагола *начати* с инфинитивом, существующих в современном русском языке.

Несмотря на то, что три главы монографии посвящены непосредственно не связанным между собой вопросам, их объединяют сквозные темы. Фразеологизированность сочетаний релевантна при анализе как порядка слов, так и конструкций с *начати*. Актуальное членение не только играло важную роль при выборе словоупотребления, но и многое определяло в функционировании союза *то*. Выяснилось, что условные и определительные придаточные предложения (последние — в том случае, если имели неопределенно-обобщенную референцию) имеют особенности как в отношении порядка слов, так и в отношении употребительности союза *то* в главном предложении. Как показало исследование, контрфактивные значения в истории русского языка, с одной стороны, находили свое выражение в выборе причастной предикации вместо финитной, с другой — вызывали грамматикализацию союза *то*.

В разных разделах речь идет об изменениях, происходивших в русском синтаксисе в старорусский период (переосмысление причастной конструкции с союзом *а*, расширение сферы употребительности союза *хотя* и сочетаемости глагола *коньчати*).

Во всех трех главах монографии синтаксические процессы и явления рассмотрены с учетом взаимодействия церковнославянского и древнерусского языка, конкуренции разных книжных традиций и жанрового разнообразия средневековой восточнославянской письменности.

Глава 1
**ПОРЯДОК СЛОВ
В ДРЕВНЕРУССКИХ
И СТАРОРУССКИХ ТЕКСТАХ**

СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПОРЯДОК СЛОВ VS/SV В БЫЛИННОМ НАРРАТИВЕ

1. Былинный нарратив в перспективе изучения диахронных нарративных текстов

В отношении языка былин традиционно ставятся два вопроса: как соотносятся диалект сказителя и язык былины и как соотносятся в эпосе синхронные и диахронные языковые явления. В связи с первым вопросом общепринятой является та точка зрения, что былины звучат не на диалекте, а на некотором наддиалектном койне, что, конечно, не исключает наличия диалектных черт в былине¹. По поводу синхронных и диахронных слоев языка в былине (что более существенно для нашей темы) нужно иметь в виду следующее. Исследователь языка былин исходит из того, что имеющиеся в его распоряжении тексты могут сохранять некоторые архаические языковые особенности средневекового эпоса². Такое сохранение возможно, с одной стороны, потому что исполнители стремились воспроизводить текст в том виде, в котором они его слышали. С другой стороны, сохранению языковой архаики способствует сама структура былины, которая изобилует устойчивыми формулами и клише. При этом надо понимать, что языковая практика исполнителя не могла не влиять на порождаемый им текст, поэтому записанные былины несут информацию не столько о языке средневекового эпоса, сколько о языке фольклора XIX — нач. XX в.

¹ Об этом см., например, [Виноградов 1945: 99–101; Десницкая 1970: 33–35].

² Кроме архаических языковых черт, в былинах есть и псевдоархаические черты. Это формы и слова, напоминающие древние формы, образованные по аналогии с ними. Например, формы прилагательных в тв. мн. могут иметь окончание *-ыма*, что напоминает формы дв. числа: *сабельками вострыма, русыма кудрями* и др. Об этом подробнее см. [Сперанский 1917: 151–152].

Сохранение в былине ряда архаических черт, прежде всего в области синтаксиса, позволяет сравнивать ее с древнерусскими текстами³. Например, основные союзные средства здесь, как и во множестве древнерусских текстов, — эти союзы *а, и, да, да и*, которые употребляются как в сочинительной, так и подчинительной функции⁴. Другой архаической чертой является повтор предлога⁵, т. е. постановка предлога и перед существительным, и перед его определением (которое, в свою очередь, может быть выражено как существительным, так и прилагательным): *поехал Добрынюшка Никитинич / с Опраксой королевичной ко городу ко Киеву* (№ 94, II: 166)⁶; *а пошли мы ко городу к Еросолиму* (№ 96, II: 173); *и скоро прибежали слуги верные / со того двора с королевского* (№ 94, II: 165); *да й прошли во славней в стольнѣ-Киев град* (№ 86, II: 126). Обращает на себя внимание тот факт, что в последних трех примерах повтор предлога не влияет на ритмическую структуру, а значит, его отсутствие не привело бы к нарушению ритма. Такие синтаксические особенности былин дают достаточное основание для того, чтобы рассматривать их синтаксис в перспективе изучения синтаксиса диахронных текстов, отдавая себе при этом отчет в том, что мы имеем дело с эпическим текстом устойчивой структуры поздней фиксации⁷.

Языку былин посвящено значительное количество работ, особенно популярной эта тема была в середине XX в.⁸ Однако некоторые

³ О параллелях между языком былин и языком письменных источников древнерусского периода см. [Штокмар 1952: 292–346].

⁴ О функциях этих союзов в древнерусских текстах см. [Зализняк 2004: 191–192; Пичхадзе 1999].

⁵ Об удвоении предлогов в былинах см. [Евгеньева 1963: 20–97], о том же явлении в древнерусских текстах см. [Минлос 2007].

⁶ Работа выполнена на материале былин, собранных А. Ф. Гильфердингом [Гильфердинг II; Гильфердинг III]. Здесь и далее после примеров даются ссылки на эти издания. Более подробную характеристику источников, которыми мы пользовались, см. ниже.

⁷ Следует помнить, что, хотя былины были записаны во второй половине XIX в., мы можем утверждать, что на синтаксис былин не оказывал влияния синтаксис русского литературного языка. Сказители никак не могли быть читателями новой русской литературы. О круге чтения русских крестьян см. [Кравецкий, Плетнева 2001: 25–41].

⁸ Среди работ, рассматривающих особенности языка эпоса, можно назвать, например, [Виноградов 1945; Андрейчин 1950; Штокмар 1952; Осовецкий 1958;

вопросы синтаксиса, в частности вопросы коммуникативного анализа текста и порядка слов, остаются не рассмотренными.

Обычно порядок слов изучается в контексте актуального членения⁹. При этом порядок слов в живом языке рассматривается не изолированно, а во взаимодействии с интонацией [Янко 2001; Циммерлинг 2016; Падучева 2016]. При изучении текстов прошлого, например летописей, объединение порядка слов с интонацией оказывается в силу понятных причин невозможным. Вообще говоря, классический аппарат актуального членения не всегда применим к памятникам языка, доступным исследователям только в письменной форме. То же самое касается и фольклорных текстов, особенно тех, которые не произносятся, а поются, здесь нет и не может быть естественной интонации. Вообще вопрос о порядке слов в поэтическом языке на сегодняшний день изучен недостаточно, а ведь инверсивный порядок слов — одна из характерных черт поэтического языка. Для изучения порядка слов как фольклорных, так и литературных поэтических текстов опора на интонацию как на маркер членения на тему и рему невозможна.

Тем не менее кажется, что изучение порядка слов в былинах является перспективным занятием. С одной стороны, такое исследование отвечает на вопросы об особенностях синтаксического строя былины как фольклорного жанра, с другой — ставит ее в контекст изучения исторических нарративных текстов. В связи с этим при анализе текста былин мы учитывали только повествовательные фрагменты, а прямая речь не рассматривалась, поскольку она отходит от характерного для былин последовательного изложения событий. Конечно, прямая речь может содержать в себе значительные по размеру нарративные фрагменты. Однако мы предпочитаем их исключить из исследования, чтобы отделение нарративных и драматургических фрагментов представляло собой формальную операцию. Всего было проанализировано тринадцать произвольно взятых текстов, записанных А.Ф. Гильфердингом

Пропп 1958; Астахова и др. 1960; Евгеньева 1963; Десницкая 1970; Богатырев 1973; Хроленко, Бобунова 1996].

⁹ Связь порядка слов и актуального членения в исторических и современных текстах выражена по-разному. О соответствии порядка слов членению на тему и рему в текстах Петровской эпохи см. [Ковтунова 1969: 90].

в 1871 г. от разных сказителей¹⁰. Мы сознательно ограничили свой материал текстами, записанными одним собирателем в одном регионе, поскольку это позволяет получить максимально однородный материал. Выделение особенностей, характеризующих разные регионы и разные сказительские школы, — дело будущего.

¹⁰ Вот краткая информация об этих текстах и сказителях:

1. Трофим Григорьевич Рябинин (15.04.1801 — 14.02.1885, здесь и далее даты приведены по старому стилю), уроженец деревни Середки Петрозаводского уезда. Старообрядец. Считался одним из лучших сказителей Заонежья. В общей сложности от него было записано 26 былин. О нем см. [Гильфердинг II: 5–6; Воробьева 2006: 27–41, 140] Рассмотренные здесь былины были записаны в 1871 г. в Кижях и в Санкт-Петербурге (номера текстов здесь и далее следуют нумерации А. Ф. Гильфердинга):

№ 73 — Вольга и Микула [Гильфердинг II: 5–10];

№ 86 — Сорок калек [Гильфердинг II: 125–126];

№ 90 — Горе [Гильфердинг II: 140–146].

2. Кузьма Иванович Романов (1.11.1789 — 14.04.1878), крестьянин села Лонгасы Сенногубской волости. В трехлетнем возрасте ослеп. Всего от этого сказителя записано 13 былин. О нем см. [Гильфердинг II: 147–148; Воробьева 2006: 42–45]. Рассмотренные здесь былины были записаны 3–4 июля 1871 г. в деревне Леликово (Сенная Губа), неподалеку от Кижей:

№ 91 — Вольга [Гильфердинг II: 149–154];

№ 92 — Илья и Калин царь [Гильфердинг II: 155–159];

№ 93 — Добрыня и Змей [Гильфердинг II: 160–161];

№ 94 — Дунай [Гильфердинг II: 162–169];

№ 95 — Царь Петр [Гильфердинг II: 170–171];

№ 96 — Сорок калик [Гильфердинг II: 172–176].

3. Терентий Иевлев (ок. 1822 — после 1884), крестьянин с Волкострова Кижской волости. Внук легендарного сказителя Ильи Елустафьева (1753 — 7.12.1828), от которого и научился петь былины. О нем см. [Гильфердинг II: 181; Воробьева 2006: 45–50]. Всего от этого сказителя было записано 7 былин. Рассмотренные здесь былины были записаны в Кижях 6 июля 1871 г.:

№ 99 — Алеша Попович и Тугарин змей [Гильфердинг II: 183–184];

№ 100 — Добрыня и Алеша [Гильфердинг II: 185–190];

№ 101 — Калика-Богатырь [Гильфердинг II: 19–193];

№ 102 — Дунай [Гильфердинг II: 194–202].

2. Частотность порядков VS/SV

В рассмотренных текстах порядок VS преобладает над SV. Лишь в одной из тринадцати былин преобладает порядок SV. При коммуникативном анализе современных текстов предикации с порядком VS (такие, как *посадил дед репку*) некоторыми исследователями рассматриваются как нерасчлененные [King 1995]. Однако в большинстве работ они характеризуются как коммуникативно расчлененные с дислокацией ремы [Ковтунова 1976: 122; Янко 2001: 204; Циммерлинг 2016: 83–84; Падучева 2016: 36–37]. При анализе былин мы склонны рассматривать подобные предикации (за некоторым исключением) как нерасчлененные и видим в этом принципиальное отличие от стандартного русского языка. В былинной цепочке с предикациями, оформленными как VS, сообщают о чередовании событий, следующих одно за другим, и именно об этой чередованности сообщается слушателю, что, по всей видимости, является спецификой эпоса.

В таблице, приведенной далее, отдельно дается информация по глаголам движения и глаголам речи (при введении прямой речи). Выделение этих семантических групп связано как с особенностями былинного нарратива, так и с тем, что порядок слов при глаголах данной семантики был исследован для древнерусских текстов [Живов 2017: 535–588]. Что касается особенностей былинного нарратива, то здесь нужно отметить следующие обстоятельства. Персонажи былин (главным образом богатыри) перемещаются в пространстве, и их перемещение является тем стержнем, вокруг которого строится сюжет. Поэтому в былинном тексте глаголы движения занимают особое место, они образуют костяк былинного сюжета. Нередки фрагменты, где все глаголы — это глаголы движения. Вот как выглядят первые строки былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (ска- зитель П. Я. Меншиков):

Ездил-то старой во чистом поли,
В тех ли во долинушках широких.
Приезжает стар ко лесам да дремучим,
Выезжает старый на дороженку широкую.

А прямою дороженькой ехать над трои суточки,
А окольную дорожкой ехать над три месяца,
А на этой дорожки есть заставушка великая.
— Да поеду я прямой дороженкой.
Ехал он день ко вечеру,
Наехал на сорок воров, сорок разбойников,
На сорок ночных да подорожников. (№274, III: 421)

Такая структура текста позволяет рассматривать место субъекта по отношению к глаголу движения как одну из существенных характеристик былинного нарратива.

Соотнесение событий с перемещением богатыря в пространстве предполагает, что действие будет излагаться в соответствии с хронологией. Однако отступления от последовательного изложения возможны. Наиболее часто для этого используется прямая речь, которая вводится глаголом речи:

Уж он едет тут ко городу ко Киеву,
Приезжает он ко князю Владимиру,
Приезжает тут на широк двор,
Уж он приходит тут во гридню во столовую.
Говорит тут Владимир князь стольно-киевский:
— Ай же ты старый казак Илья Муромец!
Прямохожею ли дорожкой, ли окольную?
— Уж я ехал ведь дорожкой прямохожею,
Прямохожею дорожкой прямоезжею,
Уж мимо того Соловья да разбойничка. (№212, III: 96)

В этом фрагменте последовательное изложение событий прерывается вопросом князя Владимира, после чего Илья Муромец рассказывает о событиях, которые имели место в прошлом. Таким образом, глагол речи при введении прямой речи — это своеобразная фиксация конца нарративного фрагмента.

Приведем количественные данные о словоупорядках VS/SV в исследованных текстах.

№ текста	VS/SV	Глаголы движения VS/SV	Глаголы речи при введении прямой речи VS/SV	Начало былинны
№ 73	36/23	9/5	11/0	VS
№ 86	13/3	7/0	2/0	VS
№ 90	66/57	28/8	2/0	VS
Всего в былинах Т. Г. Рябикина	115/83	44/13	15/0	3/0
№ 91	30/5	13/3	8/0	VS
№ 92	24/12	6/5	3/0	VS
№ 93	15/6	3/2	6/1	VS
№ 94	37/31	10/4	10/0	VS
№ 95	12/3	1/0	4/0	VS
№ 96	40/9	18/2	11/0	VS
Всего в былинах К. И. Романова	158/66	51/16	42/1	6/0
№ 99	25/4	9/0	2/0	VS
№ 100	47/25	12/3	5/4	SV
№ 101	19/16	4/2	1/1	VS
№ 102	51/60	14/3	4/5	VS
Всего в былинах Т. Ивлева	142/105	39/8	12/10	3/1

В первом столбце приведены номера текстов по изданию А. Ф. Гильфердинга. Во втором — общее соотношение порядков VS/SV для каждого текста. В третьем фиксируется порядок слов при глаголах движения, в четвертом — при глаголах речи (при введении прямой речи), после которых происходит прерывание нарративной части и начинается монолог или диалог. И, наконец, в пятом столбце представлена позиция начала текста. Выделение этой позиции связано с тем, что здесь мы имеем дело с классической интродуктивной позицией, т. е. позицией начала фрагмента. Как будет показано далее, порядок SV бывает связан с отступлением от хронологического порядка в описании событий или с другими изменениями, которых в принципе не может быть в первой строке, а в позиции интродукции для былинного нарратива характерен именно порядок VS. И действительно, в начале текста в 12 случаях из 13 встречается порядок VS и только один раз — SV. Этот случай будет рассмотрен в 5.3.

В. М. Живов, анализируя позицию субъекта по отношению к сказуемому в летописных и агиографических текстах при глаголах речи,

отмечает, что VS является немаркированным порядком, в то время как порядок SV объясняется определенными факторами. Основными являются ситуация смены субъекта или наличие в начале предложения причастного оборота [Живов 2017: 535–560]. Не столь однозначная картина получается при анализе порядка слов при глаголах движения. Если в «Повести временных лет» порядок слов варьирует, то в Новгородской I летописи преобладает порядок VS: он всегда вводит новый эпизод. Интродуктивным, вводящим новую ситуацию является порядок VS и в новгородских берестяных грамотах. В. М. Живов отмечает: «Это побуждает думать, что широкое употребление порядка VS в данной функции в ряде новгородских памятников (прежде всего в Первой Новгородской летописи) имеет основание (или, по крайней мере, соответствие) в живом языке» [Там же: 585]. Онежские былины хотя и не собственно новгородские тексты, но они бытовали в близком северном регионе. И здесь точно так же новый эпизод начинается с VS, а продолжение может быть оформлено и как VS, и как SV.

Поскольку былина — стихотворный текст, возникает предположение, что разный порядок слов обусловлен ритмическими причинами. Действительно, в русской силлабо-тонической поэзии порядок слов является одним из основных способов создания ритма. Однако для былинного стиха это нехарактерно. В арсенале сказителя всегда имеются семантически пустые вставки, которые могут встретиться в начале или в середине строки и будут при этом своеобразными ритмическими «затычками», добавляющими необходимый слог или два слога. В начале строки это *а, а и, ай же, да, да и*, в середине — *да, да и*, а также постпозитивное *-то, -от* (*и потом-то ведь Добрынюшка проиштрафился* № 107, II: 211; *крест-от кладет она по писаному* № 107, II: 217). Еще одно средство восполнить требуемый ритмом слог — предлоги. Возможен как повтор предлога (*и приходит она к солнышку ко князю ко Владимиру* № 107, II: 217), так и вариация предлога с гласной и без гласной *в/во, к/ко, с/со*. У каждого сказителя свой арсенал таких средств. Следовательно, нужно отказаться от идеи, что порядок слов определяется ритмом, и попытаться объяснить вариативность порядков VS/SV структурой самого текста.

3. Коммуникативные стратегии и порядок слов

К изменению порядка слов может вести отход от нарратива. Речь идет о случаях подробных описаний, развертывания ситуации, конкретизации деталей, являющихся как бы вставкой в основной сюжет. В этом случае порядок VS меняется на SV. Рассмотрим примеры:

Похотелось тут дородню добру молодцу
Да й сходить ёму на чужу на сторонушку,
Посмотреть людей да показать себя.
Да ён делал-то оде́жицу хорошеньку,
А он шил себе да кунью шубоньку,
По подолу он строчил ю чистым серебром,
По рукавчикам да й окол ворота
Строчил шубоньку да красным золотом;
Ворот шил-то в шубки выше головы:
Спереду-то не видать личка румянаго,
Из-заду не видно шеи белою;
На головушку-ту шапочку он шил да соболиную,
Дорогих-то соболей заморьскихих,
А й кушачик опоясал он шелковенькой,
Да й перщаточки на ручки с чистым серебром,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьяны:
Вокруг носика-то носа яйцём кати,
Под пятау под пятау воробей лети;
А он денежек-тых взял да пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей-то взял ён со полтинкою,
Да й пошол-то ён на чужую на дальну на сторонушку. (№90, II: 140)

После третьей строки приведенного примера могла бы следовать последняя строка: фрагмент между ними представляет собой описание того, что сделал герой между тем моментом, когда ему захотелось уйти, и тем, когда он отправился в путь. Речь, таким образом, идет об основных действиях (захотел уйти и ушел) и дополнительных действиях героя (действия, которые он совершил между «захотел уйти» и «ушел»). Для дополнительных действий основным является

порядок SV (исключение составляет строка *А й кушачик опоясал он шелковенькой*).

Еще один пример, где с помощью порядка слов противопоставляется главное и дополнительное действие:

Да ложился Дунаюшко да во шатер спать,
А ён во ноги поставил саблю острую,
Да ён в голову кладет кинжалище булатное,
Да ён по боци кладет палицу военную. (№ 102, II: 198)

Смена порядка слов сигнализирует, что главная предикация — *ложился спать*, а последующие строки объясняют, конкретизируют ситуацию, показывают, как Дунай ложится спать, что он при этом делает. В этом примере в первой строке приводится основное действие, а в остальных строках — дополнительные, сопровождающие действия (Дунай ложится спать и при этом кладет рядом оружие).

Если в рассмотренных примерах отход от нарратива связан с дополнительными (не основными) действиями субъекта, то в следующем примере нарратив прерывается описанием и сопровождается сменой субъекта:

Прискакал каликушка ко Пучай речке,
Немала речка — триста пятьдесят.
На тех полях да на Куликовых,
На тех лугах да на зеленых,
Там не облачко да призасинело,
Там не рошица да березовая,
Силушка стоит да городовая,
Силушка стоит армия. (№ 101, II: 191)

(Каликушка совершил действие, т.е. прискакал к реке, и видит определенную картину: на реке стоит войско.)¹¹

¹¹ Сходные явления были отмечены Акахиро Сато, который при исследовании порядка слов в «Повести временных лет» отмечал преобладание порядка VS в «текстах типа фактографии» и, соответственно, SV — в «текстах типа комментариев» [Сато 2008: 10–11]. Примерно о том же в более ранних работах писали Э. Бернекер и С. М. Кардашевский [Berneker 1900: 10; Кардашевский 1948: 39].

Частный случай отхода от нарратива представляют собой рефрены (повторяющиеся формулы), в которых также фиксируется порядок SV. Так же, как и описания, они являются отходом от повествовательной стратегии. Однако повторяющиеся рефрены меньше связаны по смыслу с основным текстом, чем обычные описания. Они появляются в одном тексте после разных фрагментов. В качестве примера рассмотрим фрагменты из текста № 101, где рефрен, очевидно, не связан с конкретизацией действия, а является зачином, вступлением к описанию нового этапа странствий героя:

Выходил каликушка немаленький <...>

По широким путям по дороженькам,

О костыль каликушка опираласи,

Высоко каликушка поднималаси.

Поднялся тут каликушка повыше леса стоячего,

Поднялся тут каликушка пониже облака ходячего,

Прискакал Каликушка ко Пучай реке.

<...>

Там не рощица да березовая,

Силушка стоит да городовая,

Силушка стоит армия.

О костыль каликушка опираласи,

Да й за речку каликушка поднималаси.

Заскочала каликушка в эту силу да городовую,

Заскочала каликушка в эту армию.

<...>

Тут взял его каликушка за желты кудри,

Помахнул каликушка на свой помах,

Да й пустил его да й до сырой земли;

Лопнула у турки коженка

С гузна да й до головушки.

О костыль каликушка да й опираласи,

Высоко калика поднималаси.

Поднялся тот каликушка поповыше лесу стоячего,

Поднялся тот каликушка пониже оболочка ходячего,

Прискакал ко городу ко Киеву. (№ 101 П: 191–192)

Если в приведенном примере рефрен является композиционным приемом, то в других случаях он может быть характеристикой персонажа:

Да берет-то Дунаюшко Иванович,
А берет-то своей ручкой левою
За ней-то за ручку за правую,
За ней-то за перстни злаченые,
А он крест-от ведет по писаному,
А и поклон тот кладет по ученому. (№ 102, II: 198)

Последние две строки несколько раз повторяются в тексте, демонстрируя «правильность», «положительность» персонажа. В любом случае, какова бы ни была роль рефрена в тексте, он является отходом от повествования и, как правило, оформляется порядком SV.

При исследовании порядка слов в летописных и агиографических текстах В.М. Живов [2017: 533–535] отмечает появление порядка SV при смене субъекта. В былинах при смене субъекта также может происходить изменение порядка слов:

Да не могут они сошку с земельки повыдернуги,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброю
А ко этой сошке кленовой. (№ 73, II: 9–10)

Однако это происходит далеко не всегда:

Поглядел Алешенька Попович сын Иванович,
Ажно ездит по силу по татарскую
Младый Ермак Тимофеевич:
Куды ездит, туды улица.
Как пришол Алешенька Попович сын Иванович,
Говорит им таковы слова. (№ 92, II: 158)

Случаев, где VS сохраняется, больше, чем случаев, где происходит изменение. Всего в рассмотренных текстах при смене субъекта порядок VS встречается 158 раз, SV — 89 раз. При этом порядок SV, как правило, сопровождается особыми маркерами смены порядка (такими, как появление местоимений или наречий *тут* и *скоро* — подробнее об этих маркерах см. далее, 5.1 и 5.2).

Наливал ту чарочку зелена вина
Владимир князь да столен киевской,
Подливал он-то медку сладкаго
Да скрычал он своим зычным голосом:
— Ай же ты, дитинушка, залещанин да деревенщенин,
Спустись-ко ты со печки со земляной,
Выпей выкушай чару да зелена вина.
Ён спустился-то со печки со земляной,
Выпил выкушал чару да зелена вина. (№ 100, II: 188–189)

В двух последних строках речь идет не о Владимире, а о Добрыне, и местоимение *ён* в начале строки акцентирует смену ситуации. Возможно, если бы герой был назван по имени, на первом месте стоял бы все же глагол (**спустился-то Добрынюшка со печки со земляной*).

Посылают Добрынюшка Никитинича:
— Поди, Добрынюшка Никитинич,
Младаго Ермака Тимофеевича
Ласковыми словами его уговаривай. <...>
И скоро Добрынюшка Никитинич
Поехал в силу войско татарское. (№ 92, II: 158)

Смена субъекта в сопровождении временного наречия *скоро* объясняет появление субъекта в препозиции. Однако, повторим еще раз, порядок SV в таком случае необязателен.

И все-таки в определенной позиции при смене субъекта порядок SV будет более вероятным. Это происходит, когда в былинке описывается действие персонажа, а затем субъект меняется и последующие действия совершают конь, птицы, травы, части тела (рука, сердце) и т. д., т. е. не человек:

Да тут крикнет татарин по звериному,
Да как свиснет татарин по змеиному,
Да как тут у Дунаюшки конь-то спóлохался. (№ 102, II: 199)

В этом и следующих примерах изменение порядка слов связано в первую очередь с тем, что перед нами описание ситуации, которая случилась после действия героя. В ряде случаев дополнительным объяснением является то, что мы имеем дело с результатом действия (об этом подробнее см. 4.2):

Пошел Вольга сударь Буславлевич по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах разбежались,
Птицы по подблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались. (№ 91, II: 149)

(Вольга пошел по земле, и от его шагов задрожала земля, разбежались звери, улетели птицы и уплыли рыбы.)

Выставал Дунай на резвы ноги
И здымал рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о дубовый стол:
Столы дубовые раскряталися,
Питья на столах проливалися,
Вся посуда рассыпалася. (№ 94, II: 165)

(Дунай оперся руками о стол, и от этого столы развалились, напитки пролились, посуда рассыпалась.)

Садился Дунаюшка на белы груди,
Как раскинул плащи татарские,
Хочет пластать груди белья,
И видит по перькам что женский пол.
И его сердечушко ужახнулось,
А рука в плече застоялась. (№ 94, II: 167)

Научное издание

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕРУССКОГО
И СТАРОРУССКОГО СИНТАКСИСА

Под. ред. А. А. Пичхадзе

Корректор *В. Т. Мусбахова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 03.08.2020. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 22,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2140

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

ISBN 978-5-4469-1768-6

9 785446 917686